

Иванов - 13

Валерий Тодоровский: “Почти ничему не удивляюсь”

33-летний кинорежиссер Валерий Тодоровский часто слышит и читает о себе вещи не слишком доброжелательные – кажется, никому до сих пор не дает покоя его кажущаяся сказочная удачливость: всеобщий интерес с порога творческой деятельности, счастливая внешность, милая и умная жена, прелестный сын, знаменитые родители. Он производит впечатление человека, которому все дается легко, и это не может не озадачивать окружающих, только и слышащих вокруг, как все у всех плохо. Насколько это впечатление справедливо, попыталась выяснить у Валерия Тодоровского Елена Веселая.

ще стал умнее, спокойнее, трезвее, легче отношусь и к критике, и к каким-то обвинениям. Может быть, потому, что я уже год не работаю, утихомирился, успокоился... вне страстей. Если будет следующая картина, на что я надеюсь, наверное, я опять включусь в нервное, истеричное переживание всего.

Ваш сын интересуется вашей работой?

– Он человек совершенно другого поколения, в другой стране вырос. Он интересуется ею постольку, поскольку папа этим занимается. Но не более того. У меня есть ощущение сейчас, что он не будет заниматься кино. Я не знаю, чем, но не кино. У него очень разносторонние и очень поверхностные интересы, ему всего 10 лет, у него нет ощущения безумного увлечения чем-то.

Если в школе его спрашивают: кем работает твой папа? Вы, наверное, в свое время гордо отвечали: мой папа снимает кино. А у него этой гордости уже нет?

– Конечно, ему приятно знать, что папа занимается кино, это кажется интересным и достойным делом, но я не думаю, что его расприст от счастья. Он относится к этому спокойно, трезво, и я думаю, что в конце концов компьютеры и всякие такие вещи его затянут. Это происходит почти со всеми детьми сейчас.

То есть вы считаете, что следующее поколение не будет смотреть кино? Этот вид искусства имеет свой конец?

– Я думаю, нет, оно перейдет в какую-то другую форму: телевидение, видео, я не знаю, что. То есть мы не останемся без работы. Просто найдутся какие-то другие формы прихода к зрителю. Хотя в мире сейчас кино процветает. Мы, по моему, последняя страна сейчас, где так плохо обстоит дело. Там – новый бум, толпы в кинотеатры.

Будете ли вы как-то участвовать в судьбе вашего сына, влиять на нее?

– Я уже смирился с мыслью, что максимум, что я могу сделать – это уже сейчас вдолбить ему какие-то вещи в голову, которые потом станут определяющими. Я не имею иллюзий насчет того, что смогу как-то его направить, или помочь, или спасти, что-то дать ему. Я пытаюсь сейчас ему объяснить, что надо много работать, что надо читать книжки... В основном я борюсь с недостатками. Я вижу, что он такой желтый, как и я. Я вижу, что он легкомысленный человек. Он не очень упорный в достижении своих целей. Я ему пытаюсь объяснить, что нужно быть упорным, трудолюбивым... Боюсь, что эти мои слова проходят мимо, как когда-то проходили мимо слова моих родителей. Я не буду ни влиять, ни направлять его в какой-то конкретной области, потому что я вижу, что он сам этого не знает, а уж я этого тем более знать не могу.

О вас говорят, что вы снимаете стильное кино. Что такое стиль, по-вашему?

– Я сделал два полнометражных фильма, абсолютно разных. Оба получили приз

критики и прессы, как “кинофильм года”. Когда я получил во второй раз этот приз, я вдруг понял, что не понимаю, что такое стиль. Если “Любовь” – стильный фильм, и “Подмосковные вечера” – стильный фильм, а между ними вообще ничего общего, значит, стиль – это не форма, не содержание, а какое-то дыхание в воздухе, ощущение сегодняшнего дня в кино. Кроме того, я думаю, это всегда выламывается из массы, из потока, потому что не может быть поток стильного кино. Стиль – это не качество. Бывает некачественное стильное кино.

Какая разница, по-вашему, между стилем и стилизацией?

– Стиль – это мироощущение. А стилизация – это форма, игра с ней. Мне, например, не интересно заниматься стилизацией. Я тут недавно прочитал – незадолго до смерти Висконти говорил: “В Италии нет хороших режиссеров, они все, как французы, играют во всякие стилизации”. Он презирал это занятие. Ему, гиганту, казалось это мелким – заниматься стилизацией и вообще формотворчеством. Он считал, что кино – это нечто, по большому счету горящее о жизни вообще. Я с ним согласен сейчас, хотя два года назад мне казалось, что все дело в стилизации, в игре с формой. Вообще, когда наши критики заговорили про постмодернизм, это сыграло очень большую роль, как ни странно, в целом поколении молодых режиссеров, потому что вдруг это стало чуть ли не обязательным – ты должен быть постмодернистом, иначе ты никто. И

вдруг сегодня это кажется таким смешным – рядом с тем же Айвори. Что это такое, для кого это? Это абсолютно не имеет значения. Я сейчас, как мне кажется, немного освоился от своих старых иллюзий и понял, что кино это все-таки большое искусство, если оно делается по-настоящему.

Стиль в жизни – вы признаете это понятие?

– Нет. Я думаю, я живу абсолютно так же, как я жил всегда. Я стиль не

выбирал, я его не менял, не приобретал и не терял. Он у меня сохранился, просто моя жизнь стала чуть-чуть более комфортной, чем раньше, чуть труднее, чем раньше, появилось больше обязанностей. Но я уверен, что живу, как жил студентом: у меня почти те же друзья, те же интересы, тот же образ жизни.

Если бы вы вдруг стали очень богаты, что-нибудь бы поменялось?

– Я бы очень этого боялся. Во-первых, я ленив по природе своей. Если бы вдруг стал богатым, боюсь, эта лень стала бы прогрессировать – я потерял бы ежедневную необходимость думать о работе. Я мог бы погрязнуть в сибаритстве, это мне, к сожалению, присуще. В остальном не думаю, что я бы смог изменить свою жизнь, потому что я не вижу разницы между моей жизнью сегодня и жизнью очень богатого человека – по большому счету, потому что мир удовольствия – это то, что очень быстро надоедает. Все, что можно купить за деньги, можно купить в первые три дня, а уже на четвертый день это перестает иметь ценность. Я знаю, что отдых на Сейшелах мне наскучит на следующее утро. А зачем тогда туда лететь десять часов? Хотя, конечно, предпочел бы быть богатым, а не бедным, потому что богатым быть лучше. Вот и все.

Что определило ваш выбор супруги?

– Я думаю, у меня есть вкус. Я сделал этот выбор, когда мне было 18, и сейчас, когда мне 33, я по-прежнему могу хвастаться своим вкусом в этом выборе.

Что в 18 лет вы оценили в своей будущей жене, что позволяет вам гордиться этим выбором?

– Я выбрал, во-первых, красивую женщину. Во-вторых, верного друга. В-третьих, помощника и единомышленника. То есть я выбрал идеально с первого раза, потому что, когда я женился, я помню, мне говорили очень многие: ну, это начерно ты женишься, как всегда женятся мальчишки. Но я уже тогда знал, что это не начерно. Более того, с тех пор мой вкус не изменился. Я бы сейчас женился на ней еще раз. Абсолютно все в ней меня устраивало тогда и устраивает сейчас.

Значит ли это, что ваше совместное существование безоблачно?

– Нет, конечно, мы ссоримся, ругаемся, у нее ко мне много претензий. Я не очень хороший муж, потому что у меня мало времени и я недостаточно уделяю внимания ей и сыну, но это не те ссоры, которые можно назвать глобальными расхождениями.

То обстоятельство, что Наташа – дочь известной писательницы, вам мешало или льстило?

– Мы познакомились во ВГИКе, я первые несколько дней вообще не знал, чья она дочь. Кроме того, по своему невежеству я книг Виктории Токаревой не читал и не знал, насколько она знаменита (или не знаменита). Она дама колоритная, яркая, общение с ней было для меня интересным, но если бы Наташа оказалась вдруг дочерью кого-то другого, я точно так же поступил бы, потому что я видел в ней женщину в первую очередь.

Она вас поразила с первого взгляда?

– Абсолютно. В буфете я ее увидел в очереди, и с этого момента стал ухаживать со всеми вытекающими последствиями.

А как вы ухаживали?

– Это были бедные студенческие ухаживания – мы ели сосиски, я таскал цветочки, раза два возил ее куда-то на такси. Потом приглашал в гости, ходил к ней в гости.

Сохранились ли у вас способность удивляться чему-нибудь?

– У меня эта способность, конечно же, меньше, чем была раньше. Но она переместилась из сферы жизни в сферу кино. Меня по-настоящему удивляют только фильмы. Когда я вижу что-то по-настоящему хорошее, я удивляюсь. Меня удивляет и сама картина, и как она сделана, как играют актеры, часто сам замысел. Что касается жизни, повседневности, это происходит все реже и реже. Может быть, это плохо. Вообще, я думаю, что кино в конце концов начинает подменять жизнь. Когда ты его делаешь, оно становится значительнее, чем простые человеческие отношения. Любовь и все остальные чувства потихоньку переползают туда. Это становится важнее, интереснее и на самом деле реальнее, чем жизнь.

Вы – человек увлекающийся?

– Да, но до какого-то предела. У меня где-то существует внутренний ограничитель, и сказать про себя, что я способен провалиться в пропасть, – я не могу. Я все-таки в последний момент останавливаю. Очень часто меня это спасало.

Вы хорошо себя чувствуете в своем доме?

– Да. Мне нравится место, в котором я живу, квартира – она не очень большая, но меня устраивает. Другое дело – я недавно осознал, что мне хорошо только тогда, когда я откуда-то выехал, а в другое место не приехал. Видимо, я по натуре своей бегунок. Внутренняя тревога все время куда-то гонит. Оказавшись дома, я хочу куда-то поехать. Оказавшись где-то, я хочу домой. Мне хочется ездить по миру, но когда я куда-то приезжаю, я начинаю скучать по дому. Видимо, я из тех людей, которым всегда нужно быть в движении. Я не домашний человек.

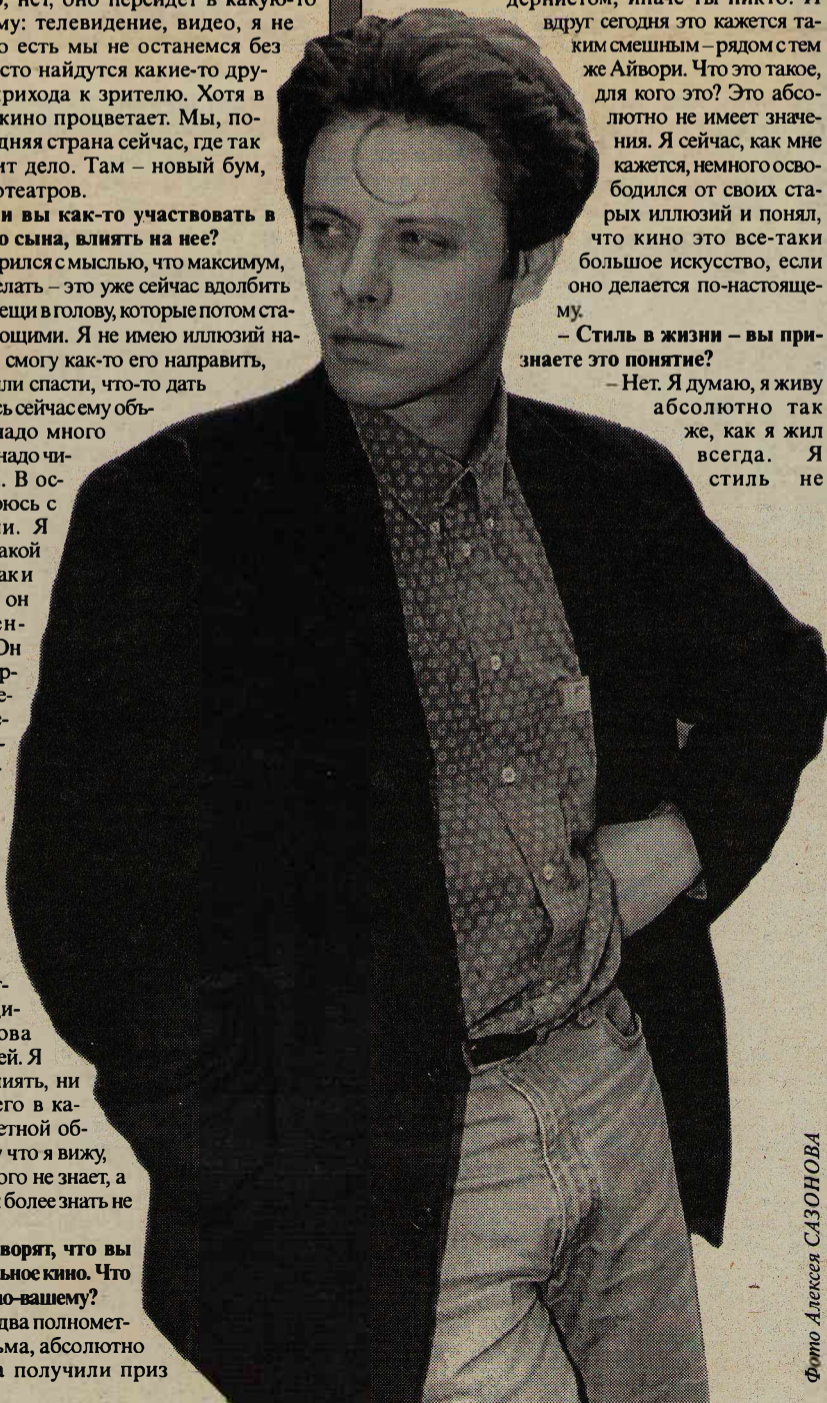

Фото Алексея САЗОНОВА